

© 2000 г. Т.А. МАЙСАК, С.Г. ТАТЕВОСОВ

**ПРОСТРАНСТВО ГОВОРЯЩЕГО В КАТЕГОРИЯХ ГРАММАТИКИ,
или Чего нельзя сказать о себе самом***

1. ОГРАНИЧЕННОСТЬ РЕФЛЕКСИИ ГОВОРЯЩЕГО: ОТ МЕТАФИЗИКИ К ЛИНГВИСТИКЕ

П. Рикер обратил внимание на следующую проблему:

(...) самый упрямый парадокс возникает при попытке приписать "я" – используемому, – то есть обозначающему *мое* неповторимое мировосприятие, – эпистемологический статус. Поскольку Его говорящего не принадлежит к области содержания его высказываний, мы обязаны сказать вслед за Витгенштейном, что Его как центр единичной перспективы мировосприятия задает границы мира, само не являясь частью его содержания. Иными словами, высказывание как акт можно считать событием, происходящим в мире, подобно тому как происходит мое хождение или смотрение. Но "я" говорящего не событие: нельзя сказать, что оно случается или происходит [Рикер 1989: 44–45].

Этот философский парадокс, который далее называется парадоксом ограничения рефлексии ("рефлексия" в данном случае – родовое понятие для различных типов отношения сознания к сущему), в конечном итоге сводится к вопросу о том, что происходит, когда в качестве объекта рефлексии индивид предстает самому себе. Как в пространстве рефлексии размещается сама рефлексия? Может ли сознание создать такое же представление о себе, какое оно создает обо всех других вещах, или же то, что сознание принимает к рассмотрению, когда хочет познать себя, все-таки им самим не является? И кроме того: что сознание может сказать о себе самом – с-казать в смысле 'показать, сделать явным, дать явиться'? Что является, когда сознание пытается с-казать себя?

Для профессионального философа названные проблемы не являются ни новыми, ни необычными: подобные вопросы давно стали общим местом практически любого философского дискурса. Но может ли лингвистика узнать что-либо содержательное, рассуждая о парадоксе ограничения рефлексии? Рассмотрим (1) – (10):

- (1) *Я вчера сломал забор соседнего дома.*
- (2) *Помню, я вчера сломал забор соседнего дома.*
- (3) *Знаю: я вчера сломал забор соседнего дома.*
- (4) *Думаю, я вчера сломал забор соседнего дома.*
- (5) *Может быть, я вчера сломал забор соседнего дома.*
- (6) *Должно быть, я вчера сломал забор соседнего дома.*
- (7) *Я вижу, я вчера сломал забор соседнего дома.*
- (8) *Я слышал, я вчера сломал забор соседнего дома.*
- (9) *Говорят, я вчера сломал забор соседнего дома.*
- (10) *Оказывается, я вчера сломал забор соседнего дома.*

* Статья представляет собой уточненный и существенно расширенный вариант доклада авторов на конференции "Языки пространств" (Дубна, июнь 1997 года). Авторы выражают глубокую признательность Российскому гуманитарному научному фонду (грант № 98-04-06198) и Research Support Scheme (грант 1474/1999) за финансовую поддержку исследования.

Пример (1) представляет собой утвердительное индикативное предложение, возглавляемое предельным динамическим глаголом совершенного вида в прошедшем времени. Утверждая (1), говорящий сообщает, что в определенный момент прошлого имела место ситуация Р 'Х сломал забор' и что Х и говорящий – один и тот же индивид. (2) – (10) содержат, кроме этой, и некоторую дополнительную информацию. В (2) – (3) утверждается, что Р присутствует в фонде знаний/в памяти говорящего, а в (4) Р представлено как включенное в пространство его мыслей. В (5) – (6) говорящий рассматривает Р как одно из возможных, с его точки зрения, состояний мира в прошлом (или, в терминах модальной логики, – как ситуацию, принадлежащую некоторому возможному миру). В (7) говорящий сообщает, что текущее состояние мира позволяет ему утверждать, что Р имело место. В (8) – (9) утверждение о Р базируется на вербальном сообщении некоторого внешнего источника информации. Наконец, (10) предполагает, что Р в каком-то отношении не согласуется с ожиданиями говорящего.

Более пристальный взгляд на (1) – (10) обнаруживает в большинстве этих предложений семантическое ограничение, которое мы называем **э ф ф е к т о м п о т е р и к о н т р о л я**: (4) – (10), в отличие от (1) – (3), возможны, только если

⇒ в момент произнесения высказывания говорящий не имеет оснований утверждать, что он участвовал в описываемой ситуации Р и при этом полностью сознавал происходящее.

Действительно, в (8) – (9) говорящий узнает о ситуации, в которой сам участвовал, от третьего лица – точно так же он мог бы узнать о случившемся с кем-либо другим. В (10) знание о ситуации вступает в противоречие с прочими знаниями и ожиданиями говорящего: он или не ожидал, что Р имело место, или ожидал, что имело место не-Р. Предложение (7) уместно, например, в ситуации, когда говорящий, едучи накануне в полной темноте на машине, зацепил соседский забор, и не предполагая ничего дурного, проследовал дальше, а на следующее утро обнаружил, что забор обрушился. В (5) – (6) говорящий лишь предполагает (с разной степенью уверенности – большей в случае с *должно быть*, меньшей в случае с *может быть*), что описываемая ситуация имела место – ситуация, каузатором которой он является. Каждое из этих высказываний представляется осмысленным только в том случае, если говорящий участвовал в ситуации неосознанно – не обращал внимания на происходящее, находился в состоянии опьянения и т.п. – или если говорящий полностью забыл о ситуации, а затем осознал ее заново – наблюдая последствия происшедшего, слушая рассказ третьего лица или выдвигая различные гипотезы о состоянии мира в прошлом. В конечном итоге, заметим, существенно даже не то, воспринимал ли говорящий описываемую ситуацию в момент ее осуществления, а то, может ли он ответственно заявить, что воспринимал ситуацию в момент произнесения высказывания.

Высказывания (2) – (3) не допускают такой интерпретации, как (4) – (10): никакого повреждения сознания в этом случае не предполагается: перед нами говорящий, который полностью отдавал и отдает себе отчет в происходящем. Итак, если перевести формулировку проблемы ограничения рефлексии с языка метафизики на язык лингвистики, то мы должны ответить на следующий вопрос: какими языковыми механизмами обеспечивается и до какой степени ограниченной является когнитивная способность индивида к описанию событий, участником которых он является? И более частный вопрос: в чем разница между рефлексией типа 'я помню' и рефлексией типа 'я полагаю' или 'я вижу', почему только в первом, но не во втором случае мы имеем говорящего – сознательного участника ситуации?

2. ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ, ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ, АДМИРАТИВ: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕФЛЕКСИИ В ГРАММАТИКЕ

Понятие рефлексии, истолковываемое предельно широко, – любое отношение сознания к существу является рефлексией, – имеет множество измерений, в частности, аксиологическое, эйдетическое и эпистемическое. В свете обсуждаемой проблемы

последнее представляет особый интерес: значения, выражаемые единицами, которые в примерах (2) – (10) выделены жирным шрифтом, относятся именно к разряду эпистемических. В русском языке, как показывают эти примеры, мы имеем лексические средства кодирования эпистемической информации – ментальные глаголы и глаголы чувственного восприятия, а также различные модальные и дискурсивные слова, – но во многих других языках для этой цели используются средства грамматические. К числу таких средств относятся в первую очередь грамматические категории, выражающие эпистемические значения – э в и д е н ц и а л ь н о с т ь, а д м и р а т и в и э п и с т е м и ч е с к а я м о д а л ь н о с т ь. Исследование этих категорий, изучение их межъязыковой дистрибуции и универсальных семантических свойств дает ключ к ответу на сформулированные выше вопросы.

Категория э в и д е н ц и а л ь н о с т и, или, в других терминах, м е д и а т и в а выражает указание на и с т о ч н и к и н ф о р м а ц и и, на которой основывается утверждение говорящего¹. Выделяются следующие базовые значения этой категории: "прямая засвидетельствованность" (говорящий утверждает истинность пропозиции на том основании, что он был непосредственным свидетелем описываемой ситуации) и "косвенная (непрямая) засвидетельствованность", или "заглазность" (ср. примеры (7) – (9) выше). Последнее подразделяется на "логическое умозаключение", или "инференциальность" (утверждение говорящего базируется не на непосредственном наблюдении, а на логическом выводе, ср. (7) выше) и "пересказывательность", или "репортив" (называемый также "квотативом", "информацией из вторых рук" и т.п.; говорящий делает утверждение на основании информации, полученной от другого индивида, ср. (8) – (9) выше). Исследования в области грамматической типологии 80–90-х годов, в первую очередь [Chafe, Nichols 1986] и [Guentchéva 1996], существенно изменили представление о грамматическом выражении эвиденциальных значений как о редком и экзотическом явлении; выяснилось, что данная категория присутствует в грамматических системах значительного числа генетически и ареально независимых языков (кроме америндских языков, в которых это явление было открыто и впервые описано, отметим индоевропейские – южнославянские, балтийские, иранские, армянский, албанский; тюркские, уральские, сино-тибетские, картвельские, тунгусо-маньчжурские).

Категория а д м и р а т и в а в а сигнализирует, что информация об описываемой ситуации является новой для говорящего и что она не интегрирована в его картину мира, ср. (10). До недавнего времени большинство исследователей рассматривали адмиратив как частное значение категории эвиденциальности, однако в работах [DeLancey 1997; 1998] приводятся аргументы, в пользу того, чтобы считать адмиратив самостоятельной категорией, которая обладает собственным набором частных значений и собственным диапазоном употребления. С. ДеЛэнси приводит несколько примеров грамматического выражения адмиратива – турецкий и корейские языки, языки санвар и тибетский (оба – тибето-бирманские), харе (атабаскский), калаша (дардский).

Категория э п и с т е м и ч е с к о й м о д а л ь н о с т и выражает точку зрения говорящего на истинность пропозиции, или, в других терминах, оценку вероятности того, что ситуация имеет место в актуальном мире – ср. (5) – (6), а также, с некоторыми оговорками (4). Работы, посвященные модальности (в частности, эпистемической модальности), столь многочисленны, что с трудом поддаются даже простому перечислению².

¹ Термин *эвиденциальность* принят в англоязычной, а в последние годы также и в русскоязычной литературе – см. в первую очередь сборник [Chafe, Nichols 1986] и обобщающие статьи [Willett 1988] и [Козинцева 1994], из последних работ – [Naan 1998]. Термин *медиатив* был предложен Ж. Лазаром в [Lazard 1956] и используется во франкоязычной литературе, см. прежде всего [Guentchéva 1996].

² См., среди многих других, классическую работу [Palmer 1986], разделы, посвященные модальности, в [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994] и сборник [Bybee, Fleischman 1995], а из исследований последнего времени – [Naan 1999]. Обширная библиография по типологии модальности приводится в [Auwera, Plungian 1998].

Существуют самые разнообразные точки зрения по вопросу о том, как соотносятся между собой данные три категории. Некоторые исследователи, например, подвергают сомнению статус адмиратива как самостоятельной категории (см. [Lazard 1999]). Долгое время продолжается дискуссия о соотношении эвиденциальности и эпистемической модальности: мнения варьируют в весьма широком диапазоне – от полного отождествления этих категорий до отрицания того, что они имеют хотя бы небольшую зону содержательного пересечения (см., в частности, обсуждение различных точек зрения в [Auwera, Plungian 1998; Naan 1998]). Оригинального подхода придерживается И.А. Мельчук [Мельчук 1998], который рассматривает адмиратив и "пробабилитив" (= эпистемическая возможность) как грамлеммы единой категории *реактивности*, выражающей ментальную реакцию говорящего на факт с точки зрения вероятности этого факта, и противопоставляет их собственно *эвиденциальности*, кодирующей информацию об источнике сведений об утверждаемом факте. Впрочем, все исследователи согласны, что рассматриваемые категории в конечном итоге указывают на эпистемическое пространство говорящего и тем самым относятся к *эгоцентрическим* элементам языка. (Свойства эгоцентрических элементов подробно охарактеризованы в монографии Е.А. Падучевой [Падучева 1996]. Ср. также в этой связи используемое Ю.Д. Апресяном [Апресян 1995: 644–647] понятие личной сферы говорящего и другие дейктические категории, широко обсуждаемые в последнее время.)

Для настоящего изложения существенно следующее типологически стабильное явление:

⇒ употребление показателей всех трех грамматических категорий сопровождается эффектом потери контроля, аналогичным тому, который представлен в примерах (4) – (10).

Далее мы обсудим это явление более подробно, опираясь, главным образом, на материал багвалинского (северокавказская семья) и мишарского диалекта татарского (тюркская семья) языков.

3. ЭФФЕКТ ПОТЕРИ КОНТРОЛЯ И КОСВЕННАЯ ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННОСТЬ

Из семи русских предложений (4) – (10), в которых возникает эффект потери контроля, в трех – (7) – (9) – мы имеем дело со значениями из семантической зоны косвенной засвидетельствованности. Об употреблении показателей косвенной засвидетельствованности в предложениях, описывающих ситуации, в которых задействован говорящий, известно, что в подобных случаях выражается "косвенная эвиденциальность действия, совершаемого 1-м лицом" [Козинцева 1994: 100]. Рассмотрим более подробно семантические свойства "косвенной эвиденциальности действия", демонстрируемые примерами из багвалинского (11) и из мишарского диалекта татарского (12) языков:

(11) К(онтекст): Я вчера так напился, что ничего не помню. А сегодня мне рассказали, что я в пьяном виде вытворял.

den	ɤXʃi	w-eli-w-o	ek'a,	hē	šī
я.ERG	лес-INTER	М-уходить-М-CONV	AUX.PRS	потом	медведь
k'ā-b-o	ek'a.				
убивать-N-CONV AUX.PRS					

Я{, оказывается,} *пошел в лес, а потом* {,оказывается,} *убил медведя.*

(12) К: Г(оворящий) ищет топор, чтобы отправиться в лес рубить дрова. "Кто взял топор?" – долго расспрашивает он домочадцев, но в конце концов обнаруживает топор в своей сумке. Г:

min	balta	al-gan-mɨn.
я	топор	брать-PFCT-1SG
{Оказывается,} <i>я взял топор!</i>		

Как в татарском, так и в багвалинском языке грамматические категории, выражающие значение косвенной засвидетельствованности, по происхождению представляют собой глагольные формы перфекта. В багвалинском языке перфект является аналитической формой: он образуется от претериального деепричастия (показатель *h-o*) с помощью вспомогательного глагола *ek'a*. В татарском (и в литературном, и обсуждаемом в настоящей статье мишарском диалекте) перфект синтетический, его показатель – *gAn* || *kAn*.

В (11) – (12) все, что говорящий знает об описываемой ситуации в момент произнесения высказывания, – это знание *ex postfacto*. В одном случае – в (11) – говорящий получает это знание из вербального сообщения третьих лиц, а в другом – в (12) – знание приобретает посредством логического вывода из наблюдаемого положения дел, которое является результатом описываемой ситуации: ситуация Q ‘топор лежит в моей сумке’ – результат ситуации P ‘говорящий положил топор в сумку’, и, наблюдая Q, говорящий заключает, что имело место P. Перед нами э ф ф е к т б е с с о з н а т е л ь н о г о у ч а с т и я говорящего в описываемой ситуации.

В примерах (13) – (14) лакуна в знаниях говорящего не так велика, как в (11) – (12).

(13) К: – Мы от нечего делать устроили состязание по киданию камней на дальность. Сперва Али бросил, затем я.

den	ʔali-ta-s	ʃe	t'ani-b-o	ek'a.
я.ERG	Али-LOC-EL	вперед	бросать-N-CONV	AUX.PRS
<i>Я{, как выяснилось} дальше [букв. вперед], чем Али бросил.</i>				

(14) К₁: Даут, директор совхоза, выдает зарплату рабочим в запечатанном конверте. Г, зарплата которого составляет 200 рублей, придя домой распечатывает конверт и находит там сто рублей. Г:

К₂: Г крайне нуждается в деньгах. Его приятель Даут, ничего не сказав, кладет ему под дверь конверт со 100 рублями. Г долгое время не знает, кто помог ему в трудную минуту, но в конце концов с помощью знакомых выясняет, что это был Даут. Г:

daut	miɨa	jez	sum	bir-gän.
Даут	я.DAT	сто	рубль	давать-PFCT

1. *Даут мне {,оказывается,} сто рублей дал.*

2. {Оказывается, это} *Даут мне сто рублей дал.*

Такие предложения не предполагают, что ситуация целиком ускользнула от восприятия говорящего; опосредованно поступает информация лишь о некоторых ее аспектах – о других партиципантах, времени, месте и т.п. В (13), в частности, говорящий полностью отдает себе отчет в происходящем, неизвестным остается единственный параметр ситуации ‘бросать камень’ – дальность броска. Это предложение допустимо, например, если говорящий узнал результат состязания от судьи, который отправился к месту падения камней и определил победителя. Предложение (13) невозможно, если говорящий наблюдает за полетом камней и видит, что его камень упал дальше, чем камень Али. Предложение (14), в зависимости от контекста, допускает два прочтения, оба из которых предполагают, что говорящий полностью отдавал себе отчет в происходящем, получая деньги. В одном случае, однако, неизвестным остается размер полученной суммы, а в другом – личность дарителя. Недостающая информация либо выводится из наблюдаемого положения дел (в конверте имеется всего 100 рублей – в (14.1)), либо извлекается из сообщения третьего лица, как в (14.2), и при

наличии контекста K_1 мы имеем инференциальное, а при наличии K_2 – репортивное прочтение перфекта. Разновидность эффекта потери контроля, представленную примерами (13) – (14), можно назвать а п о с т е р и о р н ы м р а с п о з н а в а н и е м п а р а м е т р о в ситуации.

Третью разновидность эффекта потери контроля демонстрируют примеры (15) – (16):

(15) К: Г бросил свой кинжал в деревянный столб, а потом подобрал и увидел, что тот сломан. Г:

den	miča	qini-b-o	ek'a.
я.ERG	кинжал	ломать-N-CONV	AUX.PRS
{Я вижу,} я сломал кинжал			

(16) К: Г и Закир дерутся. Г бьет Закира камнем по голове, тот падает и лежит без движения. Г щупает ему пульс и обнаруживает, что Закир мертв. Г:

min	zakir-nɣ	uter-gän-men.
я	Закир-ACC	убивать-PFCT-1SG
{Я вижу,} я убил Закира!		

В момент развертывания ситуации говорящему даны все ее конкретные параметры – участники, время, место и т.п., – однако результат и общий смысл случившегося проясняются лишь спустя некоторое время: в (16) выясняется, что драка завершилась убийством, а в (15) – что бросок кинжала сделал его непригодным для дальнейшего использования. Интерпретация этого типа представляет собой а п о с т е р и о р н у ю и д е н т и ф и к а ц и ю ситуации.

Часто предложение допускает более одного прочтения. Например, (17.1) создает эффект бессознательного участия, а в (17.2) происходит апостериорное распознавание предмета, на который направлена деятельность:

(17) den	musa-b	hūša	b-eL'i-b-o	ek'a.
я.ERG	Муса-GEN.N	поле	N-пахать-N-CONV	AUX.PRS
1. {Я вижу,} я поле Мусы вспахал! {А ведь ничего не помню! Совсем память отшибло.}				
2. Я {, как обнаружилось,} поле Мусы вспахал {а думал, что это мое поле}.				

Точно так же, (16) можно употребить, если говорящий совершил убийство в момент полного помрачения сознания, а позже узнал о содеянном (эффект бессознательного участия), а также если говорящий заложил бомбу в машину Зиннура, но вместо Зиннура подорвался Закир, о чем говорящий опять-таки узнал спустя какое-то время (эффект апостериорного распознавания параметров ситуации).

4. ЭФФЕКТ ПОТЕРИ КОНТРОЛЯ И АДМИРАТИВ

О поведении показателей адмиратива в предложениях с первым лицом известно значительно меньше (как, впрочем, и о других свойствах этих показателей). Однако уже из самого определения адмиратива следует, что ожидаемое значение предложений такого рода – 'ситуация, участником которой был говорящий, не соответствует его ожиданиям и/или противоречит его картине мира'. С.ДеЛэнси приводит следующие примеры из тибетского (18) и санвар (19):

(18) nga-г	deb	de	'dug
я-LOC	этот	книга	быть.ADM
У меня {,оказывается,} есть эта книга. [DeLancey 1998: 3]			

циальность и адмиратив взаимодействуют иначе, чем в даргинском: имеется единственная категория, которая выражает значение косвенной засвидетельствованности и, до пол н и т е л ь н о, адмиративное значение. По мнению С.ДеЛэнси [DeLancey 1998: 9], основная функция таких категорий – указывать на то, что знание об описываемой ситуации отклоняется от прототипического знания, т.е. от такого знания, которое, во-первых, говорящий почерпнул из своего непосредственного опыта и которое, во-вторых, полностью согласуется с прочими его знаниями о мире. ДеЛэнси, однако, не говорит, каким оператором связаны, по его мнению, эти два условия – конъюнкцией или дизъюнкцией. Категория употребляется, когда знание об описываемой ситуации отклоняется от прототипа по обоим параметрам или хотя бы по одному из них? Наблюдается ли здесь межъязыковое варьирование? Общего ответа на эти вопросы пока нет, однако наши данные указывают на то, что при семантическом конфликте эвиденциального и адмиративного значений побеждает первое. В багвалинском и татарском языках, обсуждавшихся выше, нет специальных средств выражения адмиративности, и это значение совместно со значением косвенной засвидетельствованности передает перфект. Ср. (22) из багвалинского, которое в точности соответствует (20) – (21) из даргинского, и (23) из татарского:

(22) K₁: = (20)

[?]K₂ = (21)

den	ṣī	k'ā-b-o	ek'a.
я.ERG	медведь	убивать-N-CONV	AUX.PRS
{Надо же,} я медведя убил!			

(23) K₁: Г стоит перед огромным вспаханным полем. Накануне он крепко выпил и ничего не помнит.

^{??}K₂: Г пашет огромное поле, будучи уверен, что управиться за день не удастся и что заканчивать придется на следующий день. К вечеру, однако, все поле вспахано. Г (удивленно):

min	bu	kʰt-pʰ	sukala-gan	i-kän.
я	этот	поле-ACC	пахать-PFCT	AUX-PFCT

1. {Надо же, я вижу,} я вспахал это поле.

2. ^{??}{Надо же,} я это поле {все-таки} вспахал.

Как показывают (22) – (23), употребление перфекта для выражения адмиративного значения в багвалинском и татарском языках возможно, только если описываемая ситуация является незасвидетельствованной (контексты K₁), и сомнительно в противном случае (контексты K₂).

Еще одна проблема, связанная с употреблением адмиративных категорий, – это проблема того, как к говорящий получает знания об описываемой ситуации. И в (18), и в (19) изменение состояния знаний происходит мгновенно. С.ДеЛэнси, к сожалению, ничего не говорит о том, возможно ли употребление адмиратива, если такое изменение происходит постепенно. Уместно ли, например, (19) в устах индивида, для которого побывать в Катманду было целью жизни и который никогда не верил в осуществление своей мечты, но неожиданно выиграл поездку в Непал в лотерею и вот, выйдя из самолета, восклицает – "Подумать только! Я в Катманду!"" В этом последнем случае ситуация 'находиться в Катманду' по-прежнему расходится с представлениями говорящего о естественном состоянии мира, но осознание этой ситуации, очевидно, достигается не скачкообразно, а постепенно: оно подготавливается последовательностью взаимосвязанных событий – от покупки билета на самолет до прохождения паспортного контроля в аэропорту непальской столицы.

di-ba	ʃali	k'ā-gā	bažēri.
я.OBL-AFF	Али	убивать-INF	мочь

1. {Ведь это} я мог убить Али [=возможно, убил Али].

2. {Я нанес такой сильный удар...} Я мог убить Али [=возможно, убил Али].

В (26.1) эпистемической оценке подвергается не факт убийства, а лишь возможность того, что убийцей является говорящий; такая интерпретация похожа на эффект апостериорного распознавания в предложениях с показателями непрямо́й за-свидетельствованности (13), (14) и (17.2). В (26.2) оценке подвергается вероятность того, что случившееся – это убийство, и такая интерпретация соответствует эффекту апостериорной идентификации в предложениях (15) и (16). (Об ограничениях на лицо, связанных с модальностью, см. также [Palmer 1986: 221–222].)

Это лишь один из многих аспектов взаимодействия эпистемической модальности и эвиденциальности. Ф. де Хаан, посвятивший данному вопросу специальное исследование, пишет: "Эвиденциальность не следует а priori приравнять к модальным выражениям. Скорее мы имеем дело с двумя различными семантическими областями, каждая из которых имеет свою зону ответственности и которые могут совпадать, но могут и не совпадать" [Haan 1997: 5].

Теория, которая исходит из того, что эвиденциальность и эпистемическая модальность кодируются независимо друг от друга, должна допускать одновременное выражение обоих типов значений. (Одна из последних формулировок теории такого рода содержится в вышедшей недавно работе Д. Бхата [Bhat 1999: 65–75].) И действительно, из стандартных определений данных категорий не следует, что выражаемые ими значения являются взаимоисключающими, скорее напротив – они должны дополнять друг друга: эвиденциальность характеризует пропозицию с точки зрения способа получения информации о ней, а модальность – оценку достоверности уже полученной информации.

Однако допущение о независимости эпистемической оценки от источника информации о ситуации имеет важное семантическое следствие. Если предположить, что в предложении одновременно присутствуют, говоря языком модельно-теоретической семантики, модальный и эвиденциальный операторы, можно ожидать появления интерпретаций, представленных в (27) – (29):

- (27) $\text{Mod}_{\text{epist}}\text{Evid}_{\phi}\mathbf{p}$: эвиденциальный оператор в сфере действия модельного; 'я считаю возможным, что я получил из источника ϕ информацию о том, что в актуальном мире имеет место \mathbf{p} '
- (28) $\text{Evid}_{\phi}\text{Mod}_{\text{epist}}\mathbf{p}$: модальный оператор в сфере действия эвиденциального; 'я получил из источника ϕ информацию, что я считаю возможным наличие в актуальном мире ситуации \mathbf{p} '
- (29) $\begin{matrix} \text{Mod}_{\text{epist}} \\ \text{Evid}_{\phi} \end{matrix} \mathbf{p}$: операторы не находятся в сфере действия друг друга; 'я получил из источника ϕ информацию о том, что в актуальном мире имеет место \mathbf{p} , и считаю возможным, что \mathbf{p} действительно имеет место'

Нетрудно заметить, что интерпретации, представленные в (27) – (28), создают для предложений с первым лицом двойной эффект потери контроля: говорящий теряет контроль не только над участием в описываемой ситуации, но и над осуществлением эпистемического акта, представленного вложенным оператором – Evid_{ϕ} в (27) и $\text{Mod}_{\text{epist}}$ в (28).

ности. В каждом из этих случаев мы имеем дело не только и не столько с высказыванием о ситуации, которая имела место в актуальном мире, но с высказыванием об эпистемическом акте – акте рефлексии этой ситуации. Во всех высказываниях с показателями данных категорий, как кажется, говорящий присутствует трижды: первый раз как участник ситуации Р, второй раз – как субъект, рефлектирующий Р – хранящий знания, получающий информацию, выдвигающий гипотезы о Р, и третий – как субъект, высказывающийся о Р. Ж. Лазар [Lazard 1999: 95] пишет об этом следующее:

Когда они (говорящие) используют обычные, немаркированные формы, они вводят в рассмотрение факты такими, какими они знают их, без всякого комментария. Но когда они выбирают специальные, маркированные формы (речь идет о медиативных формах. – Т.М., С.Т.), они выражают факты опосредованно, через постижение этих фактов..., и, действуя таким образом, они помещают себя... на некоторой дистанции от того, что они говорят... Говорящие некоторым образом расщепляются на два индивида – того, кто говорит, и того, кто слушает или производит логический вывод (или воспринимает). Эта операция дистанцирует их от их собственного дискурса.

По всей видимости, описание Ж. Лазара в существенной своей части верно: мы имеем дело с различными ипостасями говорящего (см. об этом у Е.В. Падучевой [Падучева 1996: 262–264]) – говорящим, который высказывается, и говорящим, который рефлектирует то, о чем высказывается. Обе эти ипостаси мирно сосуществуют: говорящий-высказывающийся дает явиться в высказывании говорящему – субъекту рефлексии. И теперь мы можем вернуться к вопросу, с которого начали обсуждение: как обстоит дело с говорящим – участником ситуации, вернее, с участником ситуации, обозначенным местоимением первого лица единственного числа?

Мы можем утверждать, что этот индивид – не говорящий, что это другое сознание, внешнее по отношению к высказывающемуся Его в той же степени, как и все остальное сущее. О сознании и об устремлениях воли и рассудка этого индивида говорящий-высказывающийся, Его, до некоторого момента не знает и не предполагает ничего. Представление об индивиде, который называется словом "я", составляет лишь в результате рефлексии, и, что самое существенное, это представление такое же, как представление о любом другом индивиде. Иными словами, появление говорящего – субъекта рефлексии свидетельствует о нарушении единства сознания говорящего-высказывающегося: непосредственный доступ к собственному прошлому опыту для него закрыт, и требуется акт приобретения этого опыта – приобретения опыта о себе как о другом.

Что объединяет различные типы рефлексии, отраженные эпистемическими грамматическими категориями естественного языка, которые мы обсуждали в разделах 2–5? Всякий раз, когда в дискурсе встречаются показатели эвиденциальности, адмиратива или эпистемической модальности, рефлексия – это событие, которое происходит: говорящий всякий раз вступает в некоторое новое отношение с сущим. "Я" дискурса функционирует в этом случае отдельно от Его – как третье лицо, как другой. Иначе обстоит дело в предложениях (2) и (3): о *помню* и *знаю* нельзя сказать, что это события, которые происходят; нельзя сказать, что в отношениях Его и сущего что-то меняется. Напротив, *помню* и *знаю* – это когда Его хранит в себе сущее, каким оно его однажды познало. И только в этом случае "я", которое действует, и Его говорящего – одно и то же. Себя можно только хранить, но, единожды потеряв, нельзя познать заново как себя, а только – как другого.

Сокращения

ACC аккузатив, ADM адмиратив, AFF аффектив, AUX вспомогательный глагол, CONV деепричастие, DAT датив, GEN генитив, EL элатив, ERG эргатив, IPFV несовершенный вид, IRR ирреалис, LOC локатив, M мужской род, N средний род, OBL косвенная основа, PFCT перфект, PFV совершенный вид, PRF глагольный префикс, PRS настоящее время, PST прошедшее время, SG единственное число.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д.* 1995 – Избранные труды. В 2-х тт. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Козинцева Н.А.* 1994 – Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // ВЯ. 1994. № 3.
- Мельчук И.А.* 1998 – Курс общей морфологии. Т. 2. М.; Вена, 1998.
- Падучева Е.В.* 1996 – Семантические исследования. М., 1996.
- Рикер П.* 1989 – Человек как предмет философии // ВФ. 1989. № 2.
- Шатуновский И.Б.* 1996 – Семантика предложения и неререферентные слова. Значение, коммуникативная перспектива, прагматика. М., 1996.
- Akatsuka N.* 1985 – Conditionals and the Epistemic Scale // Language. 1985. № 65.
- Anderson L.* 1986 – Evidentials, paths of change, and mental maps: typologically regular asymmetries // Evidentiality: the linguistic coding of epistemology / W. Chafe and J. Nichols (eds.). Norwood, 1986.
- Auwers J. van der, Plungian V.A.* 1998 – Modality's semantic map // Linguistic typology. V. 2. 1998. № 1.
- Bhat D.N.S.* 1999 – The prominence of Tense, Aspect, and Mood. Amsterdam, 1999.
- Bybee J., Fleischman S. (eds.)* 1995 – Modality in grammar and discourse. Amsterdam, 1995.
- Bybee J., Perkins R., Pagliuca W.* 1994 – The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago; London, 1994.
- Chafe W., Nichols J. (eds.)* 1986 – Evidentiality: the linguistic coding of epistemology. Norwood, 1986.
- DeLancey S.* 1997 – Mirativity: the grammatical marking of unexpected unformation // Linguistic typology. V. 1. 1997. № 1.
- DeLancey S.* 1998 – The mirative and evidentiality. Paper presented at 6 Intertational pragmatics conference. Reims, 1998.
- Duchet J.-L., Pěrnaska R.* 1996 – L'admiratif albanais: recherche d'un invariant sémantique. // L'énonciation médiatisée / Guentchéva Z. (éd.). Paris; Louvain, 1996.
- Guentchéva Z. (éd.)* 1996 – L'énonciation médiatisée. Paris; Louvain, 1996.
- Haan F. de.* 1997 – Evidentiality and epistemic modality // Paper presented at the 2nd ALT meeting. Eugene, 1997.
- Haan F. de.* 1998 – The category of evidentiality. Unpublished Ms, 1998.
- Haan F. de.* 1999 – Introduction to modality. München, 1999.
- Lazard G.* 1956 – Caractères distinctifs de la langue tadjik // Bulléin de la Société de linguistique de Paris. V. 52. 1956. № 1.
- Lazard G.* 1999 – Mirativity, evidentiality, mediativity, or other? // Linguistic typology. V. 3. 1999. № 1.
- Palmer F.R.* 1986 – Mood and modality. Cambridge, 1986.
- Willett T.* 1988 – A cross-linguistic survey of grammaticization of evidentiality // Studies in Language. V. 12. 1988. № 1.